

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800025501-7

Об эмоционально окрашенной речи интернет-пользователей

© 2023 г. Р. К. Потапова

Доктор филологических наук,
профессор, директор Института прикладной и математической лингвистики
Московского государственного лингвистического университета,
Россия, 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38
rkpotapova@yandex.ru

© 2023 г. В. В. Потапов

Доктор филологических наук,
старший научный сотрудник филологического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
volikpotapov@gmail.com

Резюме. Смена традиционного эпистолярного стиля обмена информацией между людьми на сверхскоростной способ интернет-коммуникации оказала большое влияние не только на интеллектуальную составляющую коммуникантов, но прежде всего на формирование эмоционального состояния последних, а также на формирование когнитивно-эмоционального восприятия окружающего мира. Этот фактор особое значение имел не только для формирования молодежной психики общающихся, но и для изменения целостной картины мира, в которой эмоционально-модальные составляющие коммуникации играют далеко не последнюю роль в формировании личности представителей современного молодого поколения.

Благодарность. Исследование поддержано Российским научным фондом (РНФ). Проект № 22-28-01050.

Ключевые слова: молодежная интернет-коммуникация, современный эпистолярный стиль Интернета, формирование эмоционального портрета личности коммуникантов, когнитивная картина мира, киберугроза.

Для цитирования: Потапова Р.К., Потапов В.В. Об эмоционально окрашенной речи интернет-пользователей // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 2. С. 52–62. DOI: 10.31857/S160578800025501-7

On Emotionally Colored Speech of Internet Users

© 2023 Rodmonga K. Potapova

Doct. Sci. (Philol.),
Professor, Director of the Institute of Applied and Mathematical Linguistics
at the Moscow State Linguistic University,
38 Ostozhenka Str., Moscow, 119034, Russia
rkpotapova@yandex.ru

© 2023 Vsevolod V. Potapov

Doct. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
volikpotapov@gmail.com

Abstract. The switch from the traditional epistolary style of information exchange between people to the ultra-high-speed Internet communication had a great impact not only on the intellectual component of the communicants, but primarily on the formation of the emotional state of the latter, as well as the formation of the cognitive-emotional perception of the world around. This factor was of particular importance not only for the formation of the psyche of young communicants, but also for changing the holistic picture of the world, where the emotional and modal components of communication play an important role for the formation of the personalities of the representatives of the modern young generation.

Acknowledgements. The work was carried out with the support of the Russian Science Foundation, project No. 22-28-01050.

Key words: Internet communication among youth, modern epistolary style of the Internet, formation of an emotional portrait of the personalities of communicants, cognitive picture of the world, cyberthreat.

For citation: Potapova, R.K., Potapov, V.V. *Ob emocionalno okrashennoj rechi internet-polzovatelej* [On Emotionally Colored Speech of Internet Users]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 2, pp. 52–62. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800025501-7

Введение

На протяжении всей истории человечества основополагающей формой развития личности было непосредственное или опосредованное общение. В этом отношении формы общения отличались большим разнообразием: от первобытных рисунков до современных средств коммуникации. Особое значение приобрел эпистолярный стиль коммуникации, в процессе развития которого совершенствовались языковые формы влияния на адресатов сообщения.

С течением времени разрабатывался и совершенствовался эпистолярный стиль, который позволял коммуникантам не только описывать события, формулировать требования и т.д., но влиял также и на эмоциональное состояние адресата. Эта особенность эпистолярного стиля является основополагающей для описания эмоционального “портрета” коммуникантов с охватом огромного диапазона положительных и отрицательных эмоций.

При рассмотрении современной интернет-коммуникации с позиции классических норм обмена информацией можно утверждать, что “...с точки зрения диалогичности сущность конкретного человека есть совокупность всех его диалогических отношений с другими людьми и объективным миром... Существующие между конкретными людьми отношения диалогичности разделяет на диалогические, антидиалогические и индифферентные. Диалогические отношения

всегда являются одновременно субъект-субъектными и субъект-объектными, индифферентные и антидиалогические — субъект-объектными” [1, с. 30]. Таким образом, с нашей точки зрения, началом всех начал обмена информацией можно считать любое диалогическое единство, становящееся исходным элементом модели межличностной коммуникации, отражающей “картину мира” информационного и эмоциогенного характера. Поэтому можно предположить, что классический эпистолярный стиль заложил основу современной интернет-коммуникации, впитав в себя все оттенки человеческих отношений. Огромную отрицательную роль сыграли факторы снятия барьеров (табу) личной ответственности (анонимность), а также факторы влияния и подражания, что органично вошло в мировую парадигму интернет-коммуникации.

Особенности межличностной коммуникации в эпоху цифровых технологий

В процессе преобразования вербального сигнала, то есть сигнала гуманитарного профиля в цифровой код, во всем мире используется так называемая OSI-Model (Модель связи открытых систем — Open Systems Interconnection Model), предназначенная для переноса разноуровневых данных, которая была разработана Международной организацией по стандартизации (International Organization for Standardization — ISO). Данная модель является многослойной и включает семь уровней позиций: от уровня

цели применения до уровня переноса информации в битах, включая уровни презентации, локализации, транспортизации (переноса), доставки и безопасности [2, с. 46]. Применительно к гуманитарным наукам использование цифровых технологий целесообразно, если речь идет о решении таких задач, как, например, проведение анализа на большом статистически значимом текстовом массиве, поиск языковых конструкций определенного типа и т.д. (см. [Там же]). Что же касается исследования тонких семантических нюансов, аллюзий, авторского стилистического своеобразие при передаче смысла текста и т.д., то в данном случае возникает задача более сложная по сравнению с ранее упомянутыми задачами. Поскольку наша задача определяется выявлением особенностей поведения человека в эпоху цифровизации, соотносящихся с отражением этих особенностей в акте цифровой коммуникации, постольку на передний план выходят эмоциональные корреляты информационного наполнения в рамках коммуникативного акта в целом. Особое значение приобретает исследование, в ходе которого в центре внимания рассматривается субъект-пользователь Интернета, находящийся в условиях постоянного взаимодействия не только с другими интернет-коммуникантами, но и со знаково-символическими кодами самой виртуальной среды [3].

Все вышесказанное позволяет поставить вопрос: а насколько нова эмоциосфера человека в “эпоху цифры”? Чем она отличается и отличается ли от опыта всей предшествующей эры коммуникации? Известно, что эмоции всегда отличались свойством “заражать” тех, на кого они направлены в соответствующих ситуациях и жизненных условиях: например, в ситуациях эскалации: от тревожности, обеспокоенности, боязни, страха к ужасу, панике, шоку... Насколько это ново в эпоху цифры?

Эмоциогенный характер определенного рода стимулов хорошо известен в психологии и психиатрии. Именно *emotio*, а не *ratio*, прежде всего, толкает людей на совершение преступлений, неординарных поступков и т.д. В то же время, мы наблюдаем, что именно масштабность цифровой коммуникации способствует преобразованию диалога в антидиалог. Способствует этому также масштабная виральность, то есть распространение информконтента методом “вирусного заражения” [4].

Современная цифровая среда, в которую в наше время “помещен” человек, коренным образом отличается от всех видов ситуативных предположений, при которых развивались, наблюдались,

изучались, классифицировались и интерпретировались эмоции человека ранее. Человек и его эмоциональные реакции на окружающую действительность рассматривались прежде всего как результат биологических, физиологических, психологических процессов [5]; [6].

Благодаря сетевой коммуникации изменились виды социального взаимодействия, не ограниченного никакими рамками этики, условностей, правил, правдоподобия, честности, истинности. Современная “цифровая личность” (ранее мы ввели понятие “электронная личность” [7]) функционально вовлечена в постоянные итерации между собственным “Я” и сетевым окружением. И чем шире это пространство, тем разнообразнее комбинаторика эмоциональных реакций. Функционирующие в цифровой среде *информационные процессы* коренным образом изменяют *когнитивную модель мира* индивидуума, подчиняя набор индивидуальных эмоционально-модальных реакций этой сформулированной в цифровой сети модели общепринятому когнитивному “эталону”.

“Согласно когнитивно-поведенческому подходу, который преобладает в настоящее время в современных представлениях о дисфункциональных эмоциях, эмоциональные реакции — это интерпретация психосоциального мира...” [6, с. 20]. Человек, помещенный в условия интернет-коммуникации, с нашей точки зрения, оказывается в положении “частички” целостного цифрового организма, по правилам которого ему надлежит функционировать, постоянно приспосабливаясь к его особенностям, преодолевая свое природное идиосинкразическое начало, “ломая” себя в эмоционально-модальном плане. Тем самым цифра оказывает “переформатирующее” воздействие на личность, изменяя ее настроение, темперамент, эмоции. Существенную роль при этом играет функционирование “конфликтогена”, рассматриваемого нами как следствие эндогенных и экзогенных процессов формирования личности [8]. Идиосинкразия цифровой личности переструктурируется, исчезает индивидуальность, образуется мнение “цифрового монстра” — толпы. Все эмоционально-модальные индивидуальные различия стерты. Все подчинено цифровому Молоху. Отсюда возникает эффект преобладания негативных эмоционально-модальных состояний, невроза, раздражительности, дистресса, злости, страха, враждебности, агрессии, беспокойства и т.д., который “вырывает” человека из контекста классического эпистолярного стиля и превращает его в обладателя *квазитекста* (*квазиинформации*), не имеющего ничего общего с первичным

исходным информирующим текстом [лат. *quasi* – как будто, будто бы].

Цифровая коммуникативистика с учетом эмоционально-модального подхода

Современная цифровая коммуникативистика, по нашему мнению, нарушает индивидуальную когнитивно-мотивационно-реляционную модель поведения человека в сетевой среде, позволяя, с одной стороны, войти в число исследуемых областей цифровой гуманитаристики, с другой стороны, проанализировать особенности передачи эмоциональной информации с помощью дименсионального (параметрического) подхода, который включает факторно-аналитические способы определения минимального числа параметров, соотносящихся с наибольшим числом эмоциональных вариантов. Благодаря этому подходу были определены три основные категории изучения эмоций: *позитивность – негативность, напряженность – релаксация, активация – дезактивация (торможение)* [7, с. 89]. Для каждой конкретной эмоции были разработаны ключевые реляционные ситуации, которые, по нашим наблюдениям, полностью вписываются в вариативность сетевого цифрового поведения коммуникантов (Таблица 1).

Таблица 1

Некоторые примеры причинно-следственной связи между реальным стимулом и эмоциональной реакцией

Гнев	Ответ на унижение, оскорбление
Тревога	Чувство неопределенности, угрозы
Испуг	Моментальная, конкретная, всеохватывающая физическая опасность
Чувство вины	Нарушение моральных установок
Чувство стыда	Неудача в достижении эго-идеала
Печаль	Переживание безвозвратной потери
Зависть	Состояние несправедливой обделенности
Ревность	Обида за утрату привязанности
Счастье	Достижение желаемой цели
Гордость	Повышение собственной эго-идентичности
Облегчение	Изменение к лучшему после пережитого
Надежда	Вера в улучшение ситуации

Любовь	Участие в привязанности
Благодарность	Признательность
Сочувствие	Желание быть полезным

Все вышеперечисленные эмоционально-модальные состояния в рамках исследуемой проблемы являются, с одной стороны, результатами процесса коммуникации, с другой стороны, эмоциогенным *триггером* (спусковым механизмом) для начала нового витка эмоциональной модификации, то есть реализуется *модель, которая бесконечна, спиралеобразна и итеративна*.

В ходе развития эмоции дифференцируются и образуют у человека различные виды, различающиеся по своим психологическим особенностям и закономерностям своего протекания. К эмоциональным, в широком смысле, процессам в настоящее время принято относить аффекты, собственно эмоции и чувства [9]. К эмоциональным объектам относится, как правило, широкий класс процессов внутренней регуляции деятельности человека. Эту функцию они выполняют, отражая тот смысл, который имеют, и ситуации, воздействующие на субъекта, их значения для осуществления его жизни [Там же, с. 77]. В отличие от аффектов собственно эмоции представляют собой длительные состояния. Они имеют отчетливо выраженный ситуативный характер, то есть выражают оценочное, личностное отношение к складывающимся или возможным ситуациям, к своей деятельности и к своим проявлениям в них [Там же, с. 77–78]. Более условным и менее общепринятым является выделение *чувств* как особого подкласса эмоциональных процессов. Основанием для их выделения служит их отчетливо выраженный предметный характер, возникающий в результате специфического обобщения эмоций. Существенную роль в формировании и развитии высших человеческих чувств имеют социальные установки [Там же, с. 79].

Что же касается аффектов¹, то «...у человека аффекты вызываются не только факторами, затрагивающими поддержание его физического существования. Они могут возникать также в складывающихся *социальных отношениях*, например, в результате социальных оценок и санкций.

¹ По Аристотелю, аффект (лат. *afficere* – воздействовать, поражать) – это “обозначение всех душевных побуждений, которые сопровождаются удовольствием или страданием: влечение, гнев, страх, отвращение, злоба, радость, любовь, ненависть, тоска, зависть и жалость. Примыкая к учению Платона о душе, ... стоики определяли аффекты как неразумные душевные состояния, которые способствуют разрушению естественных побуждений” [11, с. 35].

Повторение ситуаций, вызывающих то или иное отрицательное аффективное состояние, ведет к аккумуляции аффекта, которая может разрядиться в бурном неуправляемом аффективном поведении — «аффективном взрыве» [Там же, с. 77].

С нашей точки зрения, изучение эмоций на материале интернет-коммуникации должно базироваться прежде всего на комплексном междисциплинарном подходе, в основе которого лежит поведенческая психология индивидуума. Например, К. Ясперс объединяет рассмотрение чувств и эмоциональных состояний с позиций психологического поведения [10], включая феноменологическую классификацию согласно объекту чувства, источнику, биологической цели, интенсивности и длительности процесса.

По мнению Р. Филера, любой вид межличностной коммуникации может быть представлен с помощью ряда моделей ответных эмоциональных реакций со стороны адресата, то есть с позиций современной исследовательской идеологии является эмоциональным триггером дальнейшей коммуникативной реакции. К числу моделей эмоциональных ответных реакций адресата Р. Филер [12, с. 96–97] относит: физиологические реакции (дрожь, побледнение); невокализованные невербальные реакции (мимика, жестика, проксемика); вокализованные невербальные реакции (смех, стон, аффектированные звуки); вербальные проявления (выбор слов, выбор темы, призывы, упреки и т.д.); вербально-эмоциональные средства коммуникации (упреки, угрозы); вербализацию значительных событий, процессов; описание ситуативных подробностей пережитого события; вербализацию пережитых событий и их тематические подробности и т.д.

На основе психометрических исследований были обнаружены некоторые физиологические корреляты эмоциональных измерений. Установлено, что связь между позитивными и негативными эмоциями тем слабее, чем более длительным является период оценки их испытуемыми [13]. В данной модели принимается во внимание активация и дезактивация эмоций, реализуемая в сферическом пространстве. В сферической модели два полюса: полюс интенсивного негативного переживания (активация) и полюс слабого негативного переживания (дезактивация). Подобная зависимость наблюдается и для положительных эмоций.

Современный фреймовый подход к проблеме описания эмоций

Для анализа эмоциосферы в цифровой сети определяющее значение имеет анализ фреймов,

цель которого: выявление, описание и изучение устойчивых смысловых структур (фреймов), в рамках которых реализуется информационное содержание анализируемого материала. Обычно предполагается [14], что: первичными исходными системами фреймов являются фреймы социума, культуры, природы; число и виды фреймов зависят от формирования реальности; системы фреймов не заданы в качестве жестких алгоритмов, так как находятся постоянно в процессе формирования; фреймы — это ключи, которые способны переключать наше внимание, восприятие с одного уровня на другой.

На перцептивном, ментальном и когнитивном уровнях функционируют пять основных фреймовых ключей (по И. Гофману) [15]: «фейк» — выдумка, посредством которой осуществляется постановочное представление ситуации [16], отличающееся от реальности (театр, кинематограф, СМИ); «состязания» — переключение фрейма схватки (борьбы) в безопасную сферу игры (ощущение риска и неопределенности); «церемониал» как ритуальные действия, запускающие механизм приписывания социальных ролей и распределения соответствующих полномочий; «техническая переделка» или «перенастройка», с помощью которой реальная ситуация представлена ее образами в сопровождении четких фоновых указаний на их восприятие; «переосмысление» как своеобразный ключ к пониманию мотивов действия игроков в ситуациях, когда образ не соответствует реальности (махинации и подтасовки фактов) [17].

По мнению ряда исследователей Германии в области психологии и науки о коммуникации (коммуникативистики), современная психология пост-фактов (то есть фактов, изложенных в сообщениях и их отражений в цифровой среде) характеризуется эмоциогенностью; вниманием к обсуждению известных личностей, деятелей и т.д.; главным сдвигом в информационном содержании в сторону наиболее негативных фактов, событий и т.д. Выбор алгоритмов должен быть согласован с типами информконтента и личностью, о которой идет речь. Эти алгоритмы подачи информконтента о личности должны заранее отражать связь между данной личностью и относящейся к ней информацией, совпадающей с исходным мнением об этой личности [18].

Так, например, с точки зрения М. Аппеля [19], картина выглядит мрачно. При обмене мнениями вместо правды и правдоподобия преобладают буллинг, троллинг, ложь, жульничество, мошенничество и т.д. Автор считает, что в связи с установкой

“все поставить с ног на голову” возникло много неологизмов. К ним относятся прежде всего такие слова, как: *das Postfaktische*, *postfaktisch* (нем.), *post-truth* (англ.) (постфакты, постфактический) (сообщения). Для обозначения начала эпохи лжи для информконтента было введено новое слово “постфактический / постфактуальный период (эра)”, которое в Германии в 2016 г. было объявлено Юридическим Обществом немецкого языка Германии “словом года”. Постфактическая эра охватывает медийный период за последние 25 лет и связана с распространением Интернета с 1990-х годов, а также с появлением с конца 2000-х таких социально-сетевых платформ, как Фейсбук, Инстаграм, Твиттер.

По мнению немецких исследователей [17], Интернет предоставляет информацию в еще никогда до этого не существовавшей форме доступа. Более того, он позволяет беспрепятственно распространять информацию лицам, не являющимся ни журналистами, ни экспертами в содержательной области информации и т.д. Все это с учетом большого числа пользователей, получающих информацию, ведет к снижению и изменению содержания и качества самой информации.

Вседоступность к обмену информацией в Интернете привела к тому, что все особенности индивидуальности психики человека, его социальные и антисоциальные поведенческие привычки, уровень интеллектуального развития, психопатологические наклонности и т.д. оказались “достоянием” макросоциума благодаря свободе и беспрепятственности передачи информационного контента. Естественно, что мультимодальная поликодовая природа передачи информации в цифровую эпоху стала основным оптимальным каналом, включающим вербальный текст, изобразительно-художественную иллюстративность и музыкальное сопровождение, служащие для решения основной коммуникативной задачи — воздействовать на психику человека, изменить его когнитивно-оценочные реакции на окружающий мир и т.д.

Признак “токсичность” в интернет-коммуникации

В настоящее время в процессе анализа языка СМИ крайне распространенным является термин “токсичность” [20, с. 188]; [21, с. 214], который характеризует вредоносный характер содержания высказывания. В вербальной сетевой коммуникативистике появился ряд лексем, служащих для обозначения наличия фактов “токсичности”, например: буллинг, троллинг, хейтинг, моббинг, сталкинг, менспрединг, сексинг и др. Сам термин

“токсичность” является частью семантического поля “заразность”, “заразить”, “заразительный”, что соотносится со значениями в данном случае переносного характера: воспринять, усвоить от кого-либо, увлечься чем-либо, нести в себе заразу, заставить других подражать, нанести себе вред от процесса заражения и т.д. Поливекторный подход к анализу различных видов проявления “интернет-токсичности” обеспечивает междисциплинарное рассмотрение феномена “интернет-токсичность”: а) поликодовость языковых средств, включающая, помимо вербальных, другие коды передачи информации (например, графические, изобразительные); б) жанровость, охватывающая различные типы медийного общения (например, посты, чаты, комментарии, мемы и т.д.); в) тестирование шкалы для измерения склонности к использованию интернет-токсичности; г) психологический анализ личности, склонной к реализации интернет-токсичности, включая элементы психопатологии и психопатии; д) провокативно-эвокативная роль интернет-токсичности.

К числу основных причин, побуждающих к токсичности в Интернете, можно отнести следующие: агрессию, жажду издевательств над слабыми, потребность в жертве, садизм, мазохизм, самоутверждение, подражание, тщеславие, физические и психические недостатки, моду, стремление к известности любой ценой, недостаток в социально ориентированном воспитании и т.д. Кроме того, типичным для проявления токсичности является вторжение в запретные, неприличные и обидные темы как компенсация собственной несостоятельности, а также, как следствие известности, наличия команды единомышленников и общественной значимости; использование “подставных профилей” (подставных авторов постов). Для токсичных постов характерно также использование таких терминов, как хейтер — ненавистник, волонтер (отсутствие собственной социальной и творческой реализации, скрытая жажда признания); сталкинг, сталкеры — выход в реальный мир; моббинг — коллеги “любят” того, кто “встряхнул их болото”, и др.

Те, кому свойственны демонстративность, эгоцентричность, истероидный склад психики, любят быть в центре внимания, страдают от его отсутствия. При наличии циклотимии возникает резкая смена настроения: от эйфории и агрессии до апатии и депрессии, мнительность, повышенная возбудимость, подверженность разнообразным фобиям и т.д. В число представителей, “наделенных токсичностью” в Интернете, как

правило, входят “недолайканные” — недополучившие публичного восхищения, известности, и “недобаненные” — те, у которых личная жизнь однообразна, неинтересна, монотонна.

Что же понимается под термином “интернет-токсичность”? На этот вопрос существует много ответов, смысл которых концентрируется вокруг понятия “поведение коммуниканта в социальной сети, вводящее в заблуждение адресата(-ов), препятствующее нормальной коммуникации, содержащее элементы противоречия, а также иронию, которая не должна быть понята другими пользователями, включающая оскорбления, издевки, угрозы насилия и т.д. Одним словом, включающие ярко выраженную эмотивную составляющую” [22]. Интернет-токсичность имеет особенно широкое распространение среди молодежи на мировых анонимных платформах, в различного рода чатингах, где типичными языковыми моделями являются “расизмы” и “сексизмы” (приведенные термины являются очень распространенными в классификации негативных оценок в интернет-коммуникации, что связано с оскорблениями и издевательствами в области социальной и гендерной принадлежности интернет-коммуникантов). Исследование психики лиц, склонных к ярко выраженной интернет-агрессии и конфликтогенности, показывает, что все личностные особенности интернет-поведения укладываются в формулу “The Big Five” (“Великая пятерка”). Данная модель была разработана для систематизации психологических показателей, соотносящихся со склонностью личности к различным видам провокационного и эвокационного интернет-поведения. К числу пяти основных признаков, которые у разных личностей имеют индивидуальную степень выраженности, авторы относят *нейротизм, экстравертизм, склонность (открытость) к приобретению опыта, выносливость и порог совестливости* [Там же]. Особую сложность представляют комбинации вышеперечисленных признаков личности в различных пропорциях. Разные соотношения вышеперечисленных признаков могут указывать, например, на преобладание психопатии, садизма, нарциссизма и макиавеллизма [Там же]. Результатом подобной комбинаторики является поиск в сети “жертвы” и целевая манипуляция адресатом(-ами), что приводит к провокационно-эвокационным эффектам разномасштабного формата.

При обращении к вербальным особенностям “интернет-токсичности”, как правило, опираются на лексический и синтактико-семантический анализ исследуемого материала. В этом плане

лингвисты накопили уже достаточно солидный опыт. Активно подключаются программисты совместно с лингвистами, например, для решения этой задачи реализуются разработки программного подхода к автоматизации поиска “следов” семантико-лексической информации. Предложен оригинальный подход к решению задачи с опорой на дистрибуцию деривативных единиц русскоязычного словообразования, а также на метод графемной субституции [23]. Таким образом, вербалика является как бы “поверхностным слоем” интернет-токсичности, включающим вербально-коммуникативную компетенцию коммуникантов, соотносящуюся с шестью функциями речевой коммуникации (по Р. Jakobsonу) [24]: экспрессивной (вербально отражающей эмотивность высказывания); конативной (апеллятивно-побудительной); референтной (коммуникативно-когнитивно-денотативной); фатической (контактно-устанавливающей); метаязыковой (поясняющей особенности языкового кода, используемого в сообщении); поэтической (концентрирующей внимание на форме сообщения).

Заключение

Если исходить из признака пресуппозиции, то есть учитывать “фонд знаний автора сообщения”, то особое значение приобретает лингвистический вектор анализа при решении задачи, например, портретирования личности, коммуницирующей в поликодовой среде Интернета. Естественно, что список векторов, предложенных в данном сообщении, был бы неполным без привлечения когнитивной информации, соотносящейся с картиной мира интернет-коммуникантов, особенностей ментальных процессов в рамках деятельностной модели коммуникации, характеризующейся *процессуальностью, континуальностью и контекстуальностью*. Именно когнитивные процессы, охватывающие знание и мышление, реализуются в каждом индивидууме, определяя специфику его поведения.

Изучение и описание “портрета личности” (“profiling”), поведение которой характеризуется токсичностью, на базе различных ситуаций депривации, фрустрации, вражды и ненависти, входит в компетенцию представителей ряда научных направлений. Таким образом, исследование широкомасштабного феномена коммуникативной токсичности в сетевой коммуникации требует междисциплинарного подхода с учетом знаний в области, например, нейрофизиологии, психологии, психиатрии, психопатологии, когнитологии, лингвистики и др. [3]; [25].

В связи с этим возникает проблема специального исследования, позволяющего ответить на следующие вопросы: насколько нова эмоциональная сфера человека в эпоху цифровизации, какие эмоциональные триггеры включены в сетевую коммуникацию, в чем заключается феномен токсичности современных средств передачи поликодовой информации: вербальной, паравербальной, невербальной и экстравербальной [26]; [27]; [28]; [29], использование которой в цифровой среде приобрело гигантские масштабы и позволило расширить границы фреймового анализа цифровой текстовой и дискурсивной материи. В представленной концепции особое внимание уделяется моделированию процесса соотношения — формирования когнитивной сферы человека с учетом факторов: искаженной реальности; реальности и виртуальности с первичной ролью реальности; виртуальности и реальности с первичной ролью виртуальности; абсолютной виртуальности.

Особое внимание следует уделять результатам междисциплинарного исследования в области влияния на когнитивные и нейрофизиологические параметры эмоционального состояния пользователей Интернета цифрового контента. При этом отмечается особая роль копинга (противодействия) во взаимодействии коммуникантов в цифровой среде, а также в изучении когнитивно-поведенческих эмоциональных функций применительно к интернет-коммуникации.

На основе наших исследований была разработана модель хроматических подвидов (модуляций) эмоциональных состояний, реализуемых в процессе коммуникации, а также представлены результаты анализа эффекта информационного резонанса применительно к эмоционально маркированным интернет-нарративам, содержащим эмоционально-модальные переходы от одних эмоционально-модальных состояний к другим. Вседоступность к обмену информацией в Интернете привела к тому, что особенности индивидуальной психики человека, его социальные и антисоциальные поведенческие маркеры, уровень интеллектуального развития, психопатологические наклонности и т.д. оказались достоянием макросоциума благодаря свободе и беспрепятственности передачи информационного контента. Естественно, что мультимодальная поликодовая природа передачи информации в цифровую эпоху стала благоприятным основным каналом, включающим текстовую вербалику, изобразительно-художественную иллюстративность экстравербалики, музыкальное сопровождение и т.д., служащих для решения основной

коммуникативной задачи: *воздействовать на психику человека, изменить его когнитивно-оценочные реакции на окружающий мир и т.д.*

Концепция эпистолярной диалогии преобразуется в концепцию эпистолярной антидиалогии. Сама по себе схема развития: текст → интертекст → *квазитекст* становится универсальной, а модель — итерационной. Естественно, что переход от одних эмоциональных и эмоционально-модальных состояний не дискретен, а, как правило, континуален, что можно сравнить, с нашей точки зрения, с хроматической гаммой в музыке (по полутонам), где переходы от одного эмоционального и эмоционально-модального состояния к другому часто неуловимы, но тем и опаснее для конечного эффекта воздействия на адресата(-ов) (например, от удивления → к раздражению, гневу, шоку и т.д.; от обеспокоенности, тревожности → к страху, ужасу, панике и т.д.). Например, *любой вид фрустрации и депривации порождает итерацию эмоциогенных наслоений, коренным образом изменяя поведение личности*. Следовательно, при цифровом варианте коммуникации происходит подмена факторов, влияющих на психику личности: влияет не внешняя среда как таковая, а многократно переформатированная стимульная сущность, выраженная в моно- и поликодовом режимах: текст, изображение, различного рода музыкальные и акустические шумы и др. Когнитивная сфера индивидуума формируется уже не под влиянием реальности, а под влиянием многократно переформатированной интернет-виртуальности, воспринимаемой пользователями как аналог действительности.

Цифровые технологии настолько облегчили людям задачу уничтожения “противника” с помощью тонкой смысловой перекодировки текстов (от текста, через интертекст → к квазитексту) или посредством создания “искусственного фантома”, обладающего целым набором необходимых для антирекламы свойств. Появилась эмоциогенность невидимого масштаба, устои соотношения между *ratio* и *emotio*, формировавшиеся веками и тысячелетиями с опорой на метафоричность языка, исчезли. Появились новые лингво-стилистические регистры социально- сетевого дискурса, реализуемые на базе фрустрации, депривации, аддикции [30].

Следует еще раз подчеркнуть, что мотивационная сфера жизнедеятельности “цифровой личности” коренным образом отличается от мотиваций представителей предшествующих поколений. Основная причина заключается в скорости, объемах и “пестротекстовости” поступающей

информации, отличающейся зачастую наличием прямой зависимости от установки “заказчиков”, формирующих информационный контент, который в ряде случаев является токсичным.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что информационное содержание цифровой эпистолярной диалогии (и, естественно, полилогии) включает два основных вектора: рациональный и эмоциональный, что, естественно, воздействует не только на отдельных коммуникантов, но и на ход мировых событий в целом.

Таким образом, многоликая, разнообразная и во всех отношениях доступная коммуникация пользователей Интернета является, как мы уже указывали ранее, современным способом реализации эпистолярного жанра обмена информацией, что в силу доступности и скорости передачи информации является существенным фактором формирования современной личности, то есть своего рода “цифровой личности”, и способствует переформатированию эмоционального “портрета” молодежного контингента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буш Г. Диалогика и творчество. Рига: Авотс, 1985. 318 с.
2. Digital Humanities: Eine Einführung / F. Jannidis, H. Kohle, M. Rehbein (Hg.). Stuttgart: J.B. Metzler Verlag, 2017. 370 S.
3. Потапова Р.К., Потапов В.В., Лебедева Н.Н., Агибалова Т.В. Поликодовая среда Интернета и проблемы валеологии. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. 136 с.
4. Виральность. Механики и метрики. URL: <http://community.sk.ru/news/reading/b/advisorblog/archive/2013/03/10/mehanizmyvarialnosti.aspx>
5. Panksepp J. Posterior pituitary hormones and separation distress in chicks // *Neuroscience. Abstracts*. 1988. No. 14. P. 287.
6. Пэйн Р.Л., Купер К.Л. Эмоции и работа. Теории исследования и методы применения / Пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 544 с.
7. Потапова Р.К., Потапов В.В. Основы многоаспектного исследования “электронной личности” по голосу и речи в информационно-коммуникационной среде Интернета // *Человек: Образ и сущность*. ИНИОН РАН. 2017. № 1–2. С. 87–111.
8. Потапова Р.К. О комбинаторно-конверсиональной природе конфликтогена // *Язык в глобальном контексте: языковые контакты и языковые конфликты в современном мире*: Сб. науч. трудов / Отв. ред. В.В. Потапов, Е.А. Казак. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 5–16.
9. Психология мотивации и эмоций / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, М.В. Фаликман. М.: ЧеРо; Московский психолого-социальный институт, 2002. 752 с.
10. Jaspers K. Allgemeine Psychopathologie. 8, korrig. Aufl. Springer, 1973. 764 S.
11. Брокгауз. Философия: концепции, мыслители, понятия / Пер. с нем. СПб: Амфора. ТИД Амфора: РХГА, 2010. 423 с.
12. Fiehler R. Kommunikation und Emotion. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1990. 338 S.
13. Watson D., Tellegen A. Toward a consensual structure of mood // *Psychological Bulletin*. 1985. 98. P. 219–235.
14. Minsky M. A framework for representation knowledge. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 1974. 76 p.
15. Goffman E. Frame analysis: an essay on the organization of experience. Boston (Mass.): Northeastern University Press; 1986. 586 p.
16. Вахштейн В.С. Социология повседневности и теория фреймов. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2011. 334 с.
17. Сарна А. Интертекстуальный анализ // *Новые медиа: социальная теория и методология исследований* / Отв. ред. О.В. Сергеева, О.В. Терещенко. СПб.: Алетейя, 2017. С. 87–89.
18. Die Psychologie des Postfaktischen: Über Fake News, “Lügenpresse”, Clickbait & Co. Berlin; Heidelberg: Springer Verlag, 2020. 224 S.
19. Appel M. Die Psychologie des Postfaktischen-Einleitung und Überblick // *Die Psychologie des Postfaktischen: Über Fake News, “Lügenpresse”, Clickbait & Co*. Berlin; Heidelberg: Springer Verlag, 2020. S. 1–7.
20. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 17-е. М.: Русский язык, 1985. 797 с.
21. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайджест, 2004. 960 с.
22. Rieger D., Dippold J., Appel M. Trolle gibt es nicht nur in Märchen – das Phänomen Trolling im Internet // *Die Psychologie des Postfaktischen: Über Fake News, “Lügenpresse”, Clickbait & Co*. Berlin; Heidelberg: Springer Verlag, 2020. S. 45–58.
23. Потапов В.В., Маслова Н.Е. О структурном моделировании провокационно-эвокационных слогов русскоязычного сегмента Интернета // *Язык в глобальном контексте: языковые контакты и языковые конфликты в современном мире*: Сб. науч. трудов / Отв. ред. В.В. Потапов, Е.А. Казак. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 50–61.
24. Jakobson R. Verbal communication // *Scientific American*. 1972. Vol. 227. № 3. P. 73–80.

25. Потапова Р.К., Потапов В.В., Лебедева Н.Н., Агibalова Т.В. Междисциплинарность в исследовании речевой полиинформативности. М.: Издательский Дом ЯСК, 2015. 352 с.
26. Потапова Р.К. Речь: Коммуникация, информация, кибернетика. Изд. 4-е, доп. М.: Книжный дом "Либроком", 2010. 600 с.
27. Потапова Р.К., Потапов В.В. Язык, речь, личность. М.: Языки славянской культуры, 2006. 496 с.
28. Potapova R.K., Potapov V.V. Kommunikative Sprech-tätigkeit: Rußland und Deutschland im Vergleich. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 2011. 320 S.
29. Потапова Р.К., Потапов В.В. Речевая коммуникация: От звука к высказыванию. М.: Языки славянских культур, 2012. 464 с.
30. Potapova R. From Deprivation to aggression: verbal and non-verbal social network communication // International Conference "Global Science and Innovation". USA, Chicago, November 18–19th, 2015. P. 129–137.
8. Potapova, R.K. *O kombinatorno-konversionalnoy prirode konfliktogena* [On the Combinatorial-Conversion Nature of the Conflictogen]. *Yazyk v globalnom kontekste: yazykovyye kontakty i yazykovyye konflikty v sovremennom mire: Sb. nauch. Trudov. Otv. red. V.V. Potapov, Ye.A. Kazak* [Language in a Global Context: Language Contacts and Language Conflicts in the Modern World: Collection of Scientific Works. Ed. V.V. Potapov, E.A. Kazak]. Moscow, INION RAN Publ., 2021, pp. 5–16. (In Russ.)
9. *Psikhologiya motivatsii i emotsiy. Pod red. Yu.B. Gippenreyter, M.V. Falikman* [Psychology of Motivation and Emotions. Ed. Yu.B. Gippenreyter, M.V. Falikman]. Moscow, CheRo Publ., Moskovskiy psikhologosotsialnyy institut Publ., 2002. 752 p. (In Russ.)
10. Jaspers, K. *Allgemeine Psychopathologie*. 8, korr. Aufl. Springer, 1973. 764 S. (In German)
11. Brokgauz. *Filosofiya: kontseptsii, mysliteli, ponyatiya* [Philosophy: Concepts, Thinkers, Concepts]. St. Petersburg, Amphora Publ., 2010. 423 p. (In Russ.)
12. Fiehler, R. *Kommunikation und Emotion*. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 1990. 338 S. (In German)
13. Watson, D., Tellegen, A. Toward a consensual structure of mood. *Psychological Bulletin*. 1985, No. 98, pp. 219–235.
14. Minsky, M. A framework for representation knowledge. Cambridge, Massachusetts Institute of Technology, 1974. 76 p.
15. Goffman, E. *Frame analysis: an essay on the organization of experience*. Boston (Mass.), North-eastern University Press, 1986. 586 p.
16. Vakhshteyn, V.S. *Sotsiologiya povsednevnosti i teoriya freymov* [Sociology of Everyday Life and the Theory of Frames]. St. Petersburg, Yevropeyskoy un-t Publ., 2011. 334 p. (In Russ.)
17. Sarna, A. *Intertekstualnyy analiz* [Intertextual analysis]. *Novyye media: sotsialnaya teoriya i metodologiya issledovaniy. Otv. red. O.V. Sergeeva, O.V. Tereshchenko* [New Media: Social Theory and Research Methodology. Ed. by O.V. Sergeeva, O.V. Tereshchenko]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2017, pp. 87–89. (In Russ.)
18. *Die Psychologie des Postfaktischen: Über Fake News, "Lügenpresse", Clickbait & Co*. Berlin; Heidelberg: Springer Verlag, 2020. 224 S. (In German)
19. Appel, M. *Die Psychologie des Postfaktischen: Einleitung und Überblick. Die Psychologie des Postfaktischen: Über Fake News, "Lügenpresse", Clickbait & Co*. Berlin; Heidelberg: Springer Verlag, 2020. S. 1–7. (In German)
20. Ozhegov, S.I. *Slovar russkogo yazyka. Izd. 17-ye* [Dictionary of the Russian Language. The 17th Edition]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1985. 797 p. (In Russ.)
21. *Sovremennyy tolkovyy slovar russkogo yazyka. Gl. red. S.A. Kuznetsov* [Modern Explanatory Dictionary of

REFERENCES

1. Bush, G. *Dialogika i tvorchestvo* [Dialogue and Creativity]. Riga, Avots Publ., 1985. 318 p. (In Russ.)
2. Digital Humanities: Eine Einführung. F. Jannidis, H. Kohle, M. Rehbein (Hg.). Stuttgart, J.B. Metzler Verlag, 2017. 370 S. (In German)
3. Potapova, R.K., Potapov, V.V., Lebedeva, N.N., Agibalova, T.V. *Polikodovaya sreda Interneta i problemy valeologii* [Polycode Environment of the Internet and Problems of Valueology]. Moscow, Izdatelskiy Dom YASK Publ., 2020. 136 p. (In Russ.)
4. *Viralnost. Mekhaniki i metriki* [Virality. Mechanics and Metrics]. URL: <http://community.sk.ru/news/reading/b/advisorblog/archive/2013/03/10/mechanizmyvarialnosti.aspx> (In Russ.)
5. Panksepp, J. Posterior pituitary hormones and separation distress in chicks. *Neuroscience. Abstracts*. 1988, No. 14, pp. 287.
6. Payne, R.L., Cooper, C. *Emotsii i rabota. Teorii issledovaniya i metody primeneniya. Per. s angl.* [Emotions at Work: Theory, Research and Applications. Transl. from English]. Kharkov, Gumanitarnyy tsentr Publ., 2008. 544 p. (In Russ.)
7. Potapova, R.K., Potapov, V.V. *Osnovy mnogoaspektного issledovaniya "elektronnoy lichnosti" po golosu i rechi v informatsionno-kommunikatsionnoy srede Interneta* [Fundamentals of the Multi-Versatile Voice and Speech Research of the "Electronic Personality" on the Information and Communication Internet Medium]. *Chelovek: Obraz i sushchnost* [Man: Image and Essence]. INION RAN. 2017, No. 1–2, pp. 87–111. (In Russ.)

- the Russian Language. Ed. S.A. Kuznetsov]. Moscow, Riderz Daydzhest Publ., 2004. 960 p. (In Russ.)
22. Rieger, D., Dippold, J., Appel, M. Trolle gibt es nicht nur in Märchen – das Phänomen Trolling im Internet. *Die Psychologie des Postfaktischen: Über Fake News, "Lügenpresse", Clickbait & Co.* Berlin, Heidelberg, Springer Verlag, 2020. S. 45–58. (In German)
 23. Potapov, V.V., Maslova, N.Ye. *O strukturnom modelirovanii provokatsionno-evokatsionnykh slovoform russkoyazychnogo segmenta Interneta* [On Structural Modeling of Provocative-Evocative Word Forms in the Russian-Speaking Segment of the Internet]. *Yazyk v globalnom kontekste: yazykovyye kontakty i yazykovyye konflikty v sovremennom mire: Sb. nauch. Trudov. Otv. red. V.V. Potapov, Ye.A. Kazak* [Language in a Global Context: Language Contacts and Language Conflicts in the Modern World: Collection of Scientific Works. Ed. V.V. Potapov, E.A. Kazak]. Moscow, INION RAN Publ., 2021, pp. 50–61. (In Russ.)
 24. Jakobson, R. Verbal communication. *Scientific American*. 1972, Vol. 227, No. 3, pp. 73–80.
 25. Potapova, R.K., Potapov, V.V., Lebedeva, N.N., Agibalova, T.V. *Mezhdistsiplinarnost v issledovanii rechevoy polinformativnosti* [Interdisciplinarity in the Study of Speech Polyinformativity]. Moscow, Izdatelskiy Dom YASK Publ., 2015. 352 p. (In Russ.)
 26. Potapova, R.K. *Rech: Kommunikatsiya, informatsiya, kibernetika. Izd. 4, dop.* [Speech: Communication, Information, Cybernetics. The 4th Extended Edition]. Moscow, Knizhnyy dom "Librokom" Publ., 2010. 600 p. (In Russ.)
 27. Potapova, R.K., Potapov, V.V. *Yazyk, rech, lichnost* [Language, Speech, Personality]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2006. 496 p. (In Russ.)
 28. Potapova, R.K., Potapov, V.V. *Kommunikative Sprechfähigkeit: Rußland und Deutschland im Vergleich*. Köln, Weimar, Wien, Böhlau Verlag, 2011. 320 S. (In German)
 29. Potapova, R.K., Potapov, V.V. *Rechevaya kommunikatsiya: Ot zvuka k vyskazyvaniyu* [Speech Communication: From Sound to Utterance]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., 2012. 464 p. (In Russ.)
 30. Potapova, R. From Deprivation to aggression: verbal and non-verbal social network communication. *International Conference "Global Science and Innovation"*. USA, Chicago, November 18–19th, 2015, pp.129–137.

Дата поступления материала в редакцию: 27 декабря 2022 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 26 января 2023 г.
 Статья принята к публикации: 15 февраля 2023 г.
 Дата публикации: 30 апреля 2023 г.

Received by Editor on December 27, 2022
 Revised on January 26, 2023
 Accepted on February 15, 2023
 Date of publication: April 30, 2023